

КРИТИЧЕСКИЕ ДНИ РУССКОЙ ЗВЕЗДЫ

АЛЕКСАНДР ДОМОГАРОВ: «Без ролей я бы спился»

Милана БОГДАНОВА

По Москве гулял сумасшедший ветер. Я опаздывала на интервью с Нижинским и графом де Бюсси, Сумароковым и Соленым, артистом Театра им. Моссовета с красивой фамилией Домогаров.

Герой многочисленных девичьих грез встретил меня на служебном входе в театр грозными словами: «Вы украли у себя десять минут», многозначительно посмотрел на часы, развернулся и пошел в свою гримерку. Сел перед зеркалом и застыл, глядя на собственное изображение. Я собралась уйти, на прощание громко хлопнув дверью, но что-то меня остановило: то ли его грустные глаза, то ли голос, от которого не может не забиться женское сердце.

— Говорят, у вас тяжелый характер...

— Да. Я Рак, и завишу от настроения. Сейчас оно у меня очень плохое.

— Почему?

— Не знаю... А кто говорит, что у меня плохой характер?

— Да никто, это просто провокация...

Александр Домогаров отрывается от зеркала, поворачивается вместе со стулом и внимательно смотрит на меня.

— Наверно, близкие ко мне могут жаловаться, но вряд ли те, с кем я работаю. Только завистники могут сказать, что я плохой человек. На самом деле я стараюсь вести себя корректно. Но в последнее время стал чаще срываться.

— Кризис среднего возраста?

— Думаю, да. Все время присутствует внутреннее беспокойство. Я не могу жить, если не работаю. Понимаю, что очень устал, надо остановиться и привести себя в порядок. Этот год был очень напряженным. Но я доволен. Постоянные съемки в Польше, спектакли в Москве. Есть момент психологической усталости, и надо взять себя в руки.

— Весной всегда беспокойно и хочется куда-то убежать.

— Да, в избушку лесника, в бунгало, на берег океана и чтобы никого не было.

— А взять и поменять профессию не думали?

— Нет. Если я начинаю строгать доску на даче, то я ее буду строгать до тех пор, пока не добьюсь идеального для нее состояния. Так что если бы я на заводе завинчивал гайку, то делал бы это полдня.

— Актерская профессия очень зависимая, надо постоянно сидеть в товарном виде и ждать покупателя.

— А что, режиссер не сидит в товарном виде и не ждет, когда его по-

зовут снимать кино? В этой профессии середняком быть нельзя. Если ты достигаешь определенного уровня, то начинаешь выбирать сам.

— Вы знаете ту ступень, с которой начинается собственный выбор?

— Никто не знает. Я вижу много способных и талантливых артистов в разных городах, но о большинстве из них никто и никогда не узнает. Только если случайно в город приедет режиссер и вдруг скажет: «Хочу этого актера». Всем распорядается Его Величество Случай. Правда, некоторые идут другим путем, прокладывая себе дорогу всеми частями тела.

У меня вся жизнь — случай. Мой отец учился во ВГИКе, потом работал в Театре Советской Армии. У него никого не было. Его отца расстреляли, мать сидела. В сорок втором он попросился на фронт. Получил страшное ранение, и ни о какой актерской профессии уже не было речи. Для меня есть одно кино, где я могу увидеть отца, — «Суворов», он играл генерала Платова. Но все, что со мной происходило начиная с момента поступления в Щукинское училище, — это цепь совершенно непредсказуемых случайностей. Десять лет я играл в Театре Советской Армии главные роли и... ничего. Там, видимо, был тот самый процесс накопления, от которого так любят у нас говорить. Все началось в 95-м, когда меня пригласили в Театр Моссовета на роль в спектакле «Мой бедный Марат», с этого момента все пошло по-другому. Случай, что я стал озвучивать «Виват, гардемарин!». Светлана Сергеевна Дружинина, режиссер, услышала мой голос, и я стал сниматься в «Гардемаринах-3». Говорят, что у Дружининой легкая рука, те, кто у нее снимается, всегда работают дальше.

— Роль, которую вы любите больше всего?

Два «маленьких» Саши.

в Московском автодорожном институте. Но влияние отца было сильным. Спорить с ним было бесполезно. Он говорил, что мы с братом не переняли его черт характера. Брат старше меня на 10 лет. Одно время мы с ним мало общались. Он рано оторвался от семьи, женился. А я всегда в семье был маленьким. Отец меня никогда не звал Сашей, а только: «Маленький, сходи, маленький, принеси».

— Наверно, тяжело было взрослеть?

— Мне 35, но иногда хочется быть маленьким.

— Что главное, что вы хотели бы воспитать в своем сыне?

— Сложный вопрос. Мне кажется, что у него есть гордость за меня. Что я могу дать мальчику в 10 лет? Я занимаюсь одной работой, у меня нет выходных. А если мне выпадает один-два дня, то я хочу бежать, закрыться, спрятаться. Что я ему сейчас дам? Это очень серьезный и очень большой для меня вопрос.

— Вы как-то сказали в интервью, что живете по своим законам и не любите тусовок. Что это за законы?

— У меня не висит дома кодекс. Я эгоист, хочу жить так, как я хочу. Не хочу быть никому должным. Я очень

не люблю, когда лезут ко мне в душу.

— Актриса, которая вам кажется красивой?

— Клаудиа Шиффер красивая. Я с ней вел вечер. В жизни она еще лучше, чем на экране. Но вот ничего не «екнуло». А Марина Неелова, какой я ее помню с детства, была для меня олицетворением женской красоты. Барбара Брыльска тоже казалась мне красавицей в «Иронии судьбы».

— И что вы делаете, когда «екает»?

— Если на улице, то иду дальше.

— А если в помещении?

— Тоже иду дальше. А там уже Его Величество Случай. У меня папа с мамой так познакомились на эскалаторе. Они два раза ездили вместе на троллейбусе, отец на нее обратил внимание, а потом два раза поднялись на эскалаторе, и на третий отец не выдержал и сказал: «Девушка, как-то это странно все происходит. Как вас зовут?» На все есть судьба. Можно что-то сделать силой, но ничего хорошего из этого не выйдет. Это из свода моих законов.

— У вас много поклонниц. Как вы относитесь к активным женщинам, которые могут зажать в углу?

— Меня трудно зажать. Мне говорят, что я с таким лицом иногда даю автографы, что ко мне боятся подойти. Я никого не отшиваю, я просто не обращаю внимания. Но меня нельзя уличить в хамстве или жесткости.

— Вы так думаете?

— Я на самом деле мягкий и пушистый.

— Первый провал помните?

— Да, но мне не казалось, что это провал. Когда у тебя полное ощущение, что ты делаешь что-то гениальное, а все после спектакля стараются тихо обойти тебя стороной. Было это, и не один раз.

— А сейчас, в Нижинском?

— Сейчас у меня такое же ощущение, что я делаю все гениально. Но меня так раскритиковал один человек — камня на камне не оставил. Мне всегда интересно слушать о минусах. Сейчас надо подумать о том, как теперь работать.

— Вы играете Нижинского с такой отдачей, что искры летят. На мой взгляд, так долго продержаться невозможно. Вы не переоценили свои психические возможности?

— А как по-другому? Я не знаю. Я очень устаю после спектакля. Делать ничего не могу, только тупо сидеть перед телевизором и класть каналы, спать тоже не получается, все внутри «колбасит».

— Чем вас можно обидеть?

— Меня обидеть очень легко, на какое-то время выбить из седла. Это стало случаться со мной не так давно. Внешне по мне этого заметить невозможно. Когда тяжело, то звоню брату. Он меня всегда выслушает, хотя, может, и не всегда поймет.

— А друзья?

— У меня нет друзей... У меня есть очень хорошие знакомые. Дружба — понятие круглосуточное. Я на это не способен. У меня есть такой приятель, Тема Каминский, артист Театра Советской армии. Мы можем годами не созваниваться, но если вдруг раздастся звонок, то либо я разобьюсь в лепешку, либо он. У меня была ситуация совсем недавно, когда я кинулся к телефонной книжке и на мой звонок откликнулись почти все, кому я позвонил. Каждый помог.

— Нижинский — человек нестандартной сексуальной ориентации, наверняка вы уже много интересного о себе слышали, играя эту роль.

— Я не это играю. В эту сторону его души я не влезал, я не из этого профсоюза совершенно. Дело не в этом. Это трагедия художника, который высоко взлетел и разбился. Я не большой поклонник балета, но

когда я увидел, как он танцевал в 12-м году, то был потрясен. Меня не волнует, какой он ориентации. Меня волнует, что человек, о котором говорили с придыханием и восхищением, жил страшной жизнью. Да пусть все думают, что у меня восемнадцать «Мерседесов». На самом деле никто не знает, чем живет Домогаров и как ему бывает больно. И хорошо, что не знают.

Все говорят, что он гений, а Нижинский 25 лет провел в сумасшедшем доме в мучениях и забвении. Он стал никому не нужен, когда не смог танцевать. Все жалеют и идут в свои дома чаек попить.

— А что бы вы стали делать, если бы вдруг не стало ролей?

— Спился бы.

— Вы человек азартный?

— Когда мы снимали «Графиню де Монсоро», Сергей Жигунов решил поиграть в казино и выдал всем по фишке. Я поставил, выиграл, забрал выигрыш и ушел.

— Ну, тогда вы далеко пойдете. А высоты не боитесь?

— Нет. Если думать об этом, то башка может закружиться. Я не люблю всякие смотровые площадки — вниз тянет...

Кромосол®
Sodium cromoglicate

Оставим аллергию "с носом"!

Новое средство для лечения аллергического ринита.

- Кромосол избавит от всех симптомов сезонного ринита при своевременно начатом применении за 2 недели до цветения аллергенов.
- Кромосол, в случае круглогодичного ринита, значительно уменьшит потребность в антигистаминных препаратах уже после 1 недели применения.
- Кромосол практически не имеет противопоказаний, не вызывает привыкания при длительном курсе лечения. Удобная форма спрея позволяет выдерживать строго определенную дозировку в любой обстановке, поэтому одного флакона хватает на 16-24 дня.

Кромосол — эффективное и безопасное средство лечения аллергического ринита даже у детей старше двух лет.

ICN ICN Polfa Rzeszów S.A.

Представительство АйСиЭн Фармасьютикалс в Москве
119048, Москва, ул. Усачева, 24, тел.: 232-6600, 246-4818, 246-6082, факс 234-3187

— Последняя всегда самая дорогая. Последняя в театре — это Никитинский, последняя в кино — казачий атаман Богун в фильме «Огнем и мечом» у Ежи Хофмана.

— В Польше вы популярны. С вашими портретами продаются чашки, сумки, майки...

— Это промоушн картины. Мне это лестно. Там по улице пройти нельзя. Знаешь, я полюбил эту страну. Не их полянки и березки, а людей. Мне опять повезло. У меня была сломана нога, лошади понесли на съемках. И совершенно незнакомый человек, поляк, стал возить меня каждый день на машине к врачам. Человек такой попался. Я на премьере не удержался и сказал ему со сцены большое спасибо. А один знакомый, наш, русский, оказался таким мелочным, что после этого я с ним общаться не хочу. По-

— Как вы относитесь к деньгам, можете себе позволить прогулять пару тысяч за вечер?

— Нет. В моей жизни были такие моменты, когда было нечего есть. Мы с женой растягивали пачку макарон на неделю, а колбасу я позволял себе в зарплату. Поэтому для меня прогулять такие деньги — смерти подобно.

— Вы их копите?

— Нет. У меня есть план когда-нибудь сделать то, что должен каждый мужик. Вырастить сына, посадить дерево и построить дом. Сын есть, так что дело за малым. Если бы я был богатым человеком, то жил бы за городом.

— И что там будет: кошечки-собачки, бассейн или редиска?

— Кошечек я не люблю, павлинчиков точно не будет. Мне хочется небольшой домик. Мой отец постро-

Граф де Бюсси присматривает жертву.

родов. А я воды боюсь. Метров триста проплыву, и все.

В последней польской картине «На конце света» я играю русского художника начала века. Это такая любовная драматическая история, и мы вдвоем падаем с подвесного моста. Огромная река, мост раскачивают, и все начинают тонуть. Нас страховали аквалангисты, и хоть и глубина небольшая — три метра, но в ботинках и в одежде далеко не уплынешь. Почему нельзя было снимать на глубине метр? Зрители все равно ничего бы не поняли. Вода была илистая — ничего не видно. Моя партнерша вообще плавать не умела. Аквалангисты стали за ботинки выталкивать меня, а она чуть ко мне не пошла. В общем, был неприятный момент.

— У вас редкая фамилия, очень запоминающаяся, откуда она?

— Это фамилия бабушки по отцовской линии, в которой было намешано много кровей: французская, немецкая, украинская, польская, латышская. Фамилия моего деда — Кованько. Но ему ее пришлось сменить на бабушкину. Потому что дед имел отношение к временному правительству, был морским офицером, имел высокий чин. По семейному преданию, он выводил Керенского из Зимнего и ушел вместе с ним. У него был брат, с которым они потерялись, поэтому фамилия Кованько всплыла в Австралии в первой волне эмиграции. А Домогаровых я больше не встречал.

— Я слышала, что у вас сейчас есть проблемы в личной жизни...

— Без комментариев... (На эту тему актер, ставший ныне секс-сим-

волом, категорически не разговаривает.)

Домогаров опять поворачивается к зеркалу, закуривает.

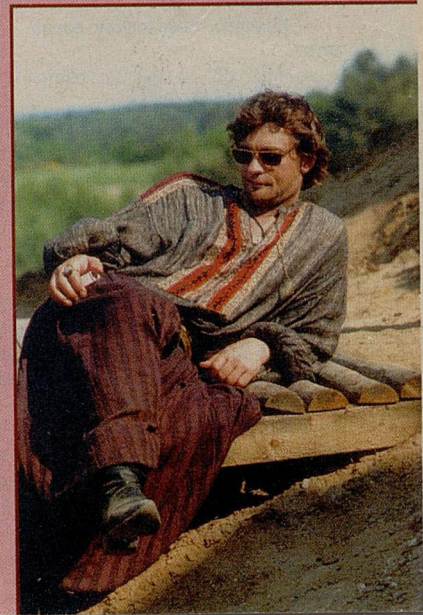
— Может, проще отвечать как-то на эти вопросы, чем постоянно отбиваться от журналистов?

— Ничего еще не решено, поэтому об этом не будем.

— Люди, родившиеся под знаком Рака, обычно очень привязаны к матери.

— Я могу сказать, что очень ее люблю. В детстве говорили, что я на нее похож. В основном меня воспитывала бабушка. Отец всегда был очень занят. В шутку любил спрашивать: «А в каком классе ты у меня учишься?» Ему было некогда заниматься мной — он был завкафедрой

Атаман Богун на привале.

О нем мечтают все польские пани.

просил меня оставить предоплату в одной гостинице, а потом выяснилось, что предоплаты в Польше в принципе не существует.

— Может быть, надо было разобратся, поговорить с ним?

— Зачем?

Стул незаметно поворачивается в мою сторону еще на 30 градусов.

ил большой. Но за 30 лет он пришел уже в жуткое состояние. Там будут цветы и трава, но в земле копать я не люблю. Мне бы посидеть, покурить, кофе попить под березками, там, где отец любил сидеть. Так хорошо: ветерок, небо над головой. Там есть пруд, но он пришел в негодность, вокруг него накопили ого-